

Большинство семнадцатилетних подростков не ожидают, что будут лежать на больничной койке и ждать смерти, но Мэт не был удивлен.

Ритмичный писк аппаратов, следящих за его жизненными показателями, был единственным, что составляло ему компанию. Он лежал в палате, пахнувшей лимонным дезинфицирующим средством, и смотрел на белый потолок, словно там скрывались все ответы.

Почему он родился с врожденным пороком сердца? Почему он должен был умереть, так и не получив шанса на жизнь? Просто почему?

Если потолок и знал что-то, то держал это для себя. Эгоистичный ублюдок.

Большую часть своей жизни он то и дело попадал в больницы. Но этот раз был другим. Мэт знал, что ему не станет лучше.

Его единственной надеждой была пересадка сердца - слабая надежда. Он собирался умереть задолго до того, как его имя попадет в верхнюю часть списка ожидания и будет найден подходящий донор.

Надеяться на чудо в последнюю минуту означало испортить то небольшое, что у него было. Лучше смириться с неизбежным и наслаждаться тем, что есть.

Книги были теми друзьями, в которых он нуждался. Они рассказывали о тысяче жизней, приключений и тайн. Его разум мог путешествовать по всему миру и за его пределы, в далекие волшебные королевства. Туда, где ему никогда не довелось побывать.

Он не боялся смерти. Она была неизбежна для всех. Миллиарды людей умерли до него, и еще больше умрет после, если только кто-нибудь не взорвет планету и не положит конец этому циклу. В лучшем случае шансы были пятьдесят на пятьдесят. К счастью, это была не его проблема.

Мэт мог бы получить ответ на величайшую загадку и узнать, что будет после. Возможно, там будет небытие, но может быть и загробная жизнь. В любом случае он скоро узнает.

Прожить семнадцать лет или семьдесят - не имело большого значения в грандиозной схеме вещей. Вселенная оставалась равнодушной. Он был маленькой пылинкой, которая прожила чуть меньше, чем обычно. Даже Земля не обратит на это внимания.

Он не сразу понял, что плачет, пока не почувствовал влажность подушки.

"Черт!" крикнул Мэт, или, по крайней мере, попытался это сделать. Сил на то, чтобы настолько повысить голос, уже не осталось. Тело предало его в очередной раз.

Несмотря на годы попыток рационализировать и найти мир с самим собой, какая-то часть надеялась на излечение, на чудо. Хоть раз в жизни ему повезет.

Надежда таилась в уголках его мыслей, заманивая его заверениями и сладкими пустыми словами. Обещаниями, которые не будут выполнены.

Время сладкой лжи прошло, судьбе было наплевать на то, что он не хочет умирать.

Мэт чувствовал себя идиотом, злясь на несправедливость жизни. Мир даже не притворился справедливым. И все же гнев, который, как ему казалось, он давно отпустил, нахлынул с новой

силой.

Он никогда не давал ей волю, не жаловался вслух. Его семья всегда смотрела на него обеспокоенными взглядами, ожидая, что он сломается. Он боялся их скорбных взглядов и жалости. Они хотели помочь, но ничего не могли сделать, его нельзя было исправить.

Их боль лишь подпитывала его чувство вины. Мало того что его жизнь была несчастной, он еще и ухудшал жизнь всех, кто его любил.

Оставшись один в своей комнате, он произнес длинный список ругательств.

Обычно он беспокоился о том, что кто-то может подумать, если услышит его. Сейчас, впервые в жизни, ему было все равно.

Он был зол на весь мир, в ярости. Ему не исполнилось и двадцати лет, а время, которое он прожил, было отстойным.

За что!

Медсестра пришла проведать его, но одного взгляда, сопровождаемого непрерывной руганью, оказалось достаточно, чтобы она отступила. Он хотел побыть один.

Задыхаясь от недолгих потуг, он снова уставился в потолок. По крайней мере, он не лгал.

Все люди должны умереть, и это было его время. В этом не было никакого скрытого смысла. Единственным ответом было то, что ответа не было. Вот и все.

Сделав глубокий вдох, Мэт очистил разум и позволил гневу улетучиться. Скоро его жизнь закончится, и это прекрасно. Наконец-то он будет свободен.

На его губах появилась слабая искренняя улыбка, и он действительно почувствовал себя умиротворенным.

Немного погодя он в последний раз закрыл глаза, а мать и сестра сжимали его руки. Он попытался улыбнуться. Не уверен, для них или для себя.

Они что-то говорили, возможно, плакали, но он их не слышал. Вскоре в комнате остались только длинные гудки, возвестившие о конце его ничем не примечательной жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/91609/3608632>